

ВЕЛИКАЯ БАЛЕРИНА НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ВДОХНОВЕННЫЙ ХУДОЖНИК

Очень трудно писать о Галине Сергеевне Улановой. Трудно потому, что о ней, о ее искусстве написаны книги на русском и иностранных языках, защищены диссертации, опубликованы тысячи журнальных и газетных статей.

Где же после этого найти какие-то новые яркие слова, чтобы сказать о вдохновенном художнике танца, каким вошла в нашу жизнь, в наше искусство Галина Сергеевна Уланова!

Я видел Галину Сергеевну почти во всех ее ролях. Видел в Москве и во время ее гастролей в Ленинграде, видел в «Лебедином» и «Фонтане», «Ромео» и «Золушке», «Жизели» и «Шопениане», «Умирающем лебеде» и ряде концертных номеров, видел и в памятной юбилейной «Спящей красавице», когда первый акт танцевала М. Семенова, второй — Г. Уланова и третий — Н. Дудинская.

И всегда я видел на сцене великую балерину и актрису. Ее несравненное одухотворенное искусство удивительнейшим образом действовало на зрительный зал и на всех участников спектакля. Трудно забыть какую-то особую атмосферу этих «улановских» спектаклей. Одно ее присутствие на сцене уже подтягивало, ко многому обязывало. Знаю это по собственному

ощущению, так как танцевал в одном с Г. Улановой спектакле «Ромео и Джульетта» — Шу-та, в «Бахчисарайском фонтане» — Юношу.

С Г. Улановой связаны первые зарубежные гастрольные туры Большого балета, и имя ее стало символом его успехов, его признания, его мировой славы.

И рядом с этим — почти легендарная скромность, а дисциплинированности и трудолюбия Галины Сергеевны трудно найти равных. Она любит повторять слова о том, что без дисциплины нет искусства. И с ней нельзя не согласиться.

Но кто из нас, даже профессионалов, думал о той работе, которая оставалась за пределами сцены, когда мы видели, как танцует Г. Уланова!

И, видимо, правильнее было бы сказать не «танцует», а «существует на сцене».

Этот редкий дар Галина Сергеевна щедро несла людям, и они покидали театр, глубоко взволнованные, благодарные великой актрисе, на всю жизнь сохраняя в своих сердцах тот душевный трепет, который рождается от соприкосновения с выдающимися явлениями искусства.

Юрий ГРИГОРОВИЧ.

...Давайте договоримся...

На сцене — самая

обыкновенная богиня

Алексей ТОЛСТОЙ

Я ХОЧУ СКАЗАТЬ ОБ УЛАНОВОЙ...

Она не исполняла прекрасно-бравурных партий. Не поражала зал блистательной техникой. Не покоряла его властным движением и всепоглощающим взором: тут были другие сверкающие таланты, другие, прославленные на весь мир балерины, восхищавшие целые поколения.

Может быть, это покажется странным, но к Улановой — одной из величайших балерин за всю историю хореографического искусства — слово балерина не очень идет. Уланова в танце — поэт. И как у поэта великого, у нее свой поэтический стиль и свой мир. И в каждом созданном ею образе — собственный непостижимо прекрасный образ: воплощение покоя, серьезности, скромности, ясности, чистоты, той гармонии и того совершенства, которые пленяют нас в полотнах величайших художников Возрождения. Опушенный долу взгляд, тихий мир чела, девическая нежность, незащищенность. И до времени скрытое высокое чувство, ради которого она готова каждый раз пожертвовать собой, умереть, стать воспоминанием, стать музыкой. И притом — поразительная свобода на сцене, естественность, высокая простота! Удивительная сосредоточенность, которая всегда заставляла нас верить, что нет иной жизни, чем та, которой живет она, нет зала, нет публики — есть только мир, который окружает ее. Глубокой искренностью покоряла она, бесстрашием таланта, верой в реальность образа, ею творимого. И, конечно, удивительной

техникой. Только мы не знали об этом, не замечали ее высокого мастерства. Все свершалось легко и как бы само собою.

Да, спектакль с Улановой — это театр. И это — балет. Но и еще что-то, что бывает, когда на глазах твоих происходит чудо преображения, когда забываешь оценивать, сравнивать, а сидишь молчаливый, пораженный до грусти совершенством творения, когда раздумья о жизни и о прекрасном хлынут в душу твою, возвысят тебя над собою самим. И не хочется говорить, потому что слову не выразить.

Никто не спрашивал, как она танцевала. Спрашивали: «Уланову видел?» Пожалуй, не ошибусь, если скажу, что танец был для нее всегда только средством и никогда не был целью творения: истинная сфера ее искусства — трагедия, выраженная средствами танца и поэтического движения.

Когда мы говорим по прошествии времени о малом поэте, мы говорим: «он писал». Но о Пушкине — «пишет!» Искусство высокое не проходит. Даже и то, которое нельзя зафиксировать и передать поколениям вполне. Оно живет все равно — живет в благородных воспоминаниях, в традициях мастера, в том, что творческий подвиг его становится навсегда вершиной искусства и мерилом искусства, прекрасного, как Уланова, которой никогда не быть в прошлом, но всегда в настоящем и будущем!

Ираклий АНДРОНИКОВ.

На снимках — Г. Уланова в ролях (в левой колонке сверху вниз): Джульетты, в «Шопениане», «Умирающем лебеде»; справа (сверху вниз): Жизели (Ю. Жданов — Альберт), Марии («Бахчисарайский фонтан»).

В НЕЙ ВСЕ-ГАРМОНИЯ

замечание за то, что доска не пригнана к уроку.

Как мы, затаив дыхание, смотрели в замочную скважину на репетиции Улановой, попеременно оттапливая друг друга, боясь, что нас прогонят!

А как мы волновались, когда в экзаменационной комиссии появлялась Галина Сергеевна и строго, не улыбаясь, садилась за стол, положив на него маленькие, тонкие кисти рук, которые то сжимались в кулаки, то распрямлялись! Почему-то тогда мы очень боялись ее и, когда видели ее лицо, нам казалось, что вокруг головы у нее витает нимб, как на иконах, у которых всегда строгий вид.

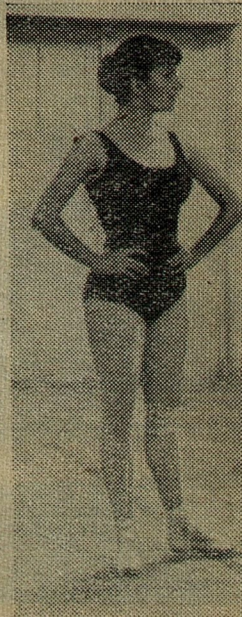
А потом прошло время, многие из нас с аттестатом, подписанным председателем экзаменационной комиссии Г. С. Улановой, пришли в Большой театр, танцевали с ней в одних спектаклях, видели ее всегда собранную и подтянутую на репетициях, ездили вместе с ней в зарубежные гастрольные туры, и все эти годы нас не покидало чувство уважения и гордости за то высокое искусство танца, которое демонстрировала Галина Сергеевна и которому мы по мере наших сил учились у нее.

Большинство из тех, кто работает сегодня в театре, видели и восхищались талантом великой балерины нашего времени, талантом, который расцветал год от года до последнего спектакля (что бывает крайне редко), и в памяти этих людей навсегда останутся непревзойденные образы Жизели, Марии, Джульетты, Золушки, образы, о которых написано столько книг.

Мы очень рады и гордимся тем, что все 12 лет работы в театре наша творческая жизнь постоянно соприкасается с творчеством выдающейся балерины, а теперь и педагога-репетитора.

Сейчас, когда мы пишем эти строки, представляем, как Галина Сергеевна тихо и незаметно входит в репетиционный зал; пепельные волосы, ни ярких глаз, ни ярких бровей, ни четко очерченных губ; как всегда,

приподнятые плечи, легкая походка, прижатые к телу руки, движения скупые, все просто и естественно; садится у зеркала, поджимает под себя ноги, вся как бы собираясь калачиком, и сразу всем своим видом напоминает молоденькую девушку, улыбается, и в углах ее глаз расплываются мелкие лучики морщинок. Одежда всегда в спокойные, мягкие тона, удивительно гармонирующие с ее внутренним обликом, и во всем

Г. С. Уланова репетирует с С. Адырхаевой.

Галина Сергеевна Уланова... Нет на свете человека, знающего, что такое балет, и не знающего этого имени.

Популярность Галины Сергеевны огромна. Сейчас, когда заходит речь о спектаклях советского классического балета, прежде всего упоминается имя Улановой, потому что искусство ее — это гармония всех компонентов классического танца, это необычайно тонкая выразительность всего тела, одухотворенность и в то же время необыкновенная простота, это сам танец во плоти.

Присущие русскому балету задушевность, лиризм, женственность как бы сконцентрировались в облике Галины Сергеевны, она стала неотъемлемой частью понятия русский, советский балет.

С детских лет имя это для нас было окружено ореолом славы. Как мы хотели быть занятыми в спектаклях, в которых участвовала Галина Сергеевна! Сколько волнений испытывали мы на этих спектаклях, как гордились тем, что танцевали в одном спектакле с Улановой!

А сколько недоразумений возникало с учителями, когда мы писали имя Улановой на доске перед каждым уроком, и учителя — в который раз! — делали дежурную

постоянное желание быть как можно менее заметной.

И теперь, в педагогической деятельности, Галина Сергеевна свое творчество, все что было прекрасно-го в созданных ею образах, все, к чему стремилась она всю свою долгую сценическую жизнь, вкладывает в своих «подопечных».

С первых тактов выхода на сцену Галина Сергеевна жила в музыке, каждый ее шаг, каждый поворот головы, движения рук, ног — это танец. Танцовщица с великолепной техникой, танцовщица глубокой мысли и безыскусной правды, Галина Сергеевна Уланова эти свои качества старается привить своим ученикам. И сейчас, в день юбилея, мы хотим поблагодарить Галину Сергеевну за неиссякаемое творчество, за тот талант, которым она щедро делится с нами, и пожелать ей крепкого здоровья и большого счастья.

Среди шедевров мировой живописи бывают картины, сразу захватывающие зрителя; бывают картины, к пониманию которых приходишь постепенно. Г. С. Уланова — это картина, несущая в себе то, что поражает нас в полотнах величайших мастеров — соединение формы, цвета, техники, многообразия тончайших нюансов, которые, чем больше смотришь на полотно, тем больше замечаешь, тем более околдовывает необыкновенная гамма красок; каждый мазок кисти — открытие, рисунок — идеал мысли, а все вместе — то непередаваемое восхищение, которое выражается одним словом — гениально.

Екатерина МАКСИМОВА,
Владимир ВАСИЛЬЕВ.